

УДК 94:327.5 (4-015+560)

А.В. Беляков, А.В. Виноградов

«Дело Муслы аталыка». К истории военно-политического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму в 1584–1588 гг.

Авторами в архиве Посольского приказа был обнаружен неизвестный ранее документ, позволяющий по-новому взглянуть на некоторые аспекты взаимоотношений между Крымом, Россией и Речью Посполитой в период крымского династического кризиса 1584–1588 гг. При этом исследователями впервые дается биография ранее практически неизвестного в исторической науке Муслы аталыка, с которым и были связаны все описываемые события.

Ключевые слова: Крым, Русское государство XVI в., Речь Посполитая, Муслы аталык, Гирей.

Представляемый публикаторами документ имеет необычную судьбу. Он был обнаружен несколько лет назад А.В. Беляковым при работе с ногайскими делами Посольского приказа, связанными с событиями 80-х гг. XVI столетия, когда на территории Русского государства оказались изгнанные из Крыма три сына свергнутого хана Мухаммед-Гирея II: царь Сеадет-Гирей и царевичи Мурад-Гирей и Сафа-Гирей (Беляков, Виноградов, 2013; Виноградов, 2010; Виноградов, 2011; Виноградов, 2012; Беляков, 2013а; Беляков, 2012).

Данный документ (его заголовок – «Распросные речи Муслы аталыка» – более чем условно) представляет собой отрывок на трех листах, сохранившийся на обороте более позднего документа – памяти воеводе Ивану Григорьевичу Милюкову, назначенному к продаже лошадей, пригнанных с послом ногайского мирзы Арслана Келмаметем Аллагуловым. Данное посольство оказалось в Москве летом 1587 г. При этом документ был составлен путем частичного редактирования более ранней аналогичной памяти, данной Григорию Григорьевичу Ловчикову. Время возможной датировки данного документа (апрель 1585 – июнь 1587 гг.) устанавливается известиями, полученными русским гонцом в Крыму И. Судаковым-Мясным о посылке к крымским царевичам через Кафу Муслы аталыка и прибытием в Москву Келмамета Аллагулова. Где он был составлен, в Терском городке, Астрахани или же Москве, также неизвестно. Для того, чтобы понять причину появления «распросных речей», нам следует углубиться в более чем непростые события политической истории Крымского ханства последней четверти XVI в.

События середины 80-х годов имели длительную предысторию. Еще с середины 70-х годов XVI столетия в Крыму начинается противостояние сыновей хана Девлет-Гирея I (1551–1577), связанное с нежеланием некоторых царевичей видеть наследником отца калгу Мухаммед-Гирея, которому, тем не менее, после его кончины удается при поддержке Порты утвердиться на престоле. Противостояние сыновей хана Девлет-Гирея I – ставшего ханом Мухаммед-Гирея, Адыл-Гирея и Алп-Гирея после его кончины в 1577 г. постепенно стало серьезным фактором во всей системе межгосударственных отношений в Восточной Европе и на Кавказе.

Все недолгое правление хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584) прошло под знаком политической нестабильности в «Крымском юрте». Французские ориенталисты Ш. Лемерсье-Келькеже и А. Беннигсен датируют начало династического кризиса в Крыму 1577 г., т.е. смертью Девлет-Гирея I (Bennigsen, Lemercier-Quellejaу, 1973, p. 453). Отчасти это датировка правомерна: и летом 1577 г., в момент болезни и агонии хана, и в 1581 г., когда против хана Мухаммед-Гирея II восстал его брат Адыл-Гирей, дело едва не дошло до крупномасштабной междоусобной войны. Однако Порты, заинтересованная в выступлении крымской орды на иранский фронт, всякий раз содействовала достижению компромисса между ханом и его братьями.

Дальнейшему развитию династического кризиса способствовало участие Крыма в ирано-турецкой войне 1578–1590 гг. Как известно, в ходе кампаний на Кавказе крымцы понесли тяжелые потери, а дом Гиреев лишился ряда царевичей. Нежелание хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584) покидать Крым для участия в тяжелой войне в условиях конфликта с братьями послужило исходной точкой в начале «крымской смуты».

До начала 80-х гг. Порты не хотела менять Мухаммед-Гирея II на престоле. Положение изменилось после самовольного оставления ханом театра военных действий. К этому времени калга Адыл-Гирей погиб на войне с персами, другой брат, будущий хан Гази-Гирей, попал к ним в плен, и основным соперником хана стал Алп-Гирей. Впрочем, Порты определила «на место» Мухаммед-Гирея II еще одного его брата Ислам-Гирея, находившегося длительное время в Стамбуле.

В «острую фазу» события в «Крымском юрте» перешли в конце 1583 г., приняв формы открытой междоусобной борьбы. Столкновение хана Мухаммед-Гирея II с коалицией крымской знати во главе с его братьями Алп-Гиреем и Селамет-Гиреем завершилось весной 1584 г. военным вмешательством Порты. На «Крымский юрт» при поддержке османских войск был посажен хан Ислам-Гирей II, калгой (первым наследником престола) стал Алп-Гирей, нураддином (вторым наследником престола) Селамет-Гирей. Свергнутый хан Мухаммед-Гирей II был убит при попытке бегства с территории полуострова. Его сыновья – Сеадет-Гирей, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей сумели вырваться из Крыма и водворились в кипчакских степях (Дешт-и-Кипчаке), где могли рассчитывать на поддержку мангытского клана Дивеевых.

События 1583–1584 гг. привели к расколу крымской знати, обозначившегося, впрочем, еще с конца 70-х гг. На стороне сыновей свергнутого хана оказались, помимо Дивеевых, одна из ветвей Ширинов, возглавляемая Куту-Гиреем, и род беков Кулюковых (князей Куликовых в русских источниках), «амиатов» польских королей и великих князей Литовских. На стороне Ислам-Гирея II выступили часть Ширинов, возглавляемая беком Азием, и большинство представителей клана Яшлавских (князей Сулешевых в русских источниках), наследственных «амиатов», посредниках в дипломатических связях московских государей во главе с беком Мурадом. Многие представители политической элиты «Крымского юрта» по традиции прежних крымских смут всякий раз переходили на сторону победителя. В их числе был и герой нашего рассказа – Муслы аталык, видный саванник при Мухаммед-Гирее II, «воспитатель» Гирея. При этом данная должность досталась ему в середине 60-х гг. XVI в. по наследству от отца, Ахмет аталыка (Книга, 1843, с. 318). Во всяком случае, взявшие его в плен донские казаки не сомневались, какая крупная фигура попала в их руки. Прекрасно понимали это и в Крыму (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 167 об.). Вот что писал вернувшийся в 1588 г. в Крым Сафа-Гирей Б.Ф. Годунову: «Великому и счастливому брату нашему, Борису, после поклону чеснейшая и любовная грамота наша. Преж сего как взяли казаки на Тереке царева Магмет-Киреевского аталыка» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 167 об. –168). В данном случае рукой своего нураддина (второго наследника) водил только что воцарившейся хан Гази-Гирей II. Почему новый крымский хан был так озабочен судьбой этого человека? Ответ на этот вопрос заключается в роли Муслы аталыка в событиях, последовавших после свержения и гибели хана Мухаммед-Гирея II.

В конце лета 1584 года вторжение «царевичей» – сыновей свергнутого хана Мухаммед-Гирея II – в Крым положило начало потоку событий, приведших к самому крупному после противостояния Сеадет-Гирея и Ислам-Гирея I в 30-х годах XVI века «двоцарствованию» в «Крымском юрте». Династический кризис в доме Гиреев на этот раз не только привел к очередному вмешательству в крымские дела Порты, но и создал условия для вмешательства в него Русского государства.

Исходя из сведений, собранных в Крыму в конце 1584 года русскими дипломатами И. Судаковым-Мясным и следовавшим через Кафу в Стамбул Б. Благово (Благова), внешний ход событий выглядел следующим образом. По статейному списку гонца в Крым И. Судакова-Мясного «Приходили на Крым царевичи Саадет-Кирей з братьею да Есиной князь Дивеев, да Арасланай мурза и многие мирзы ногайски, а с ними было нагайских людей пятнатцать тысяч ... и приходиди за один и царевичи и ногайские мирзы приступали Бохчисарае три дни, и посад у Бохчисараев выжгли» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 1 об.–2). Вторжение было поддержано внутренней оппозицией: «И крымские многие люди изменили Ислам-Гирею царю, и от которых царь и не чаял измены в своих ближних людях, и те все изменили». Последовала кратковременная осада Бахчисарая, где сидели хан, калга Алп-Гирей и оставшиеся верными хану младшие братья. «А с ними было крымских князей и мурз тысячи четыре да енычар шестьсот человек. И енычар многих побили» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 2). В конечном итоге Бахчисарай был сдан. Хан и его братья разными путями добрались до Кафы. «И учинился царевич Саидет-Кирей царем, и был царем полтретья месяца». Свергнутый хан из Кафы «послал Саламета-Кирея царевича к турецкому за море, а велел просить у турецкого енычар» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 2 об.). Султан Мурад III прислал три тысячи янычар. С этими силами хан выступил из Кафы и в ожесточенном сражении разбил мятежников. «И Саидет-Кирей царь и царевичи и ногайские мурзы побежали. И побили ногайских и

крымских многих людей» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 3). После этого хан Ислам-Гирей II вернулся в Кафу, а калга Алп-Гирей двинулся вдогон за «царевичами». Калга не решился сам выходить далеко за Перекоп, встал «в Балысараех на Миусех», затем сжег этот укрепленный пункт, который уже давно служил форпостом Дивеевых, и повернул назад. Алп-Гирей послал преследовать мятежников до Северного Донца Каллаш дувана, который по возвращении «декабря в 15 день» встретил направлявшегося в Крым русского гонца И. Судакова-Мясного (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 1 об.).

Ввиду утраты части посольской документации по связям с Крымом не представляется возможным установить, когда и в какой степени Москва получила информацию о начале в Крыму вооруженной борьбы между сыновьями хана Мухаммед-Гирея II и правительством Ислам-Гирея II. Наличие посольских «речей» и посланий «законному» хану говорит о том, что в Москве были твердо уверены, что «на Крымском юрте» сидит Ислам Гирей II.

15 января И. Судаков-Мясной прибыл в Кафу, где после предварительных переговоров с бекком Мурадом Яшлавским (князем Сулешевым), 16 января, состоялась его аудиенция у Ислам-Гирея II (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 8 об.)¹.

Ко времени прибытия И. Судакова-Мяснова в Кафу в крепости уже побывал русский посол в Турцию Б. Благово, который 16 декабря также провел там переговоры с бекком Мурадом Сулешевым и получил аудиенцию у хана (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2 Л. 377–382 об.).

При переговорах русских дипломатов с Мурадом Сулешевым и контактах с представителями крымской знати прояснились масштабы кризиса в Крымском ханстве. Приведенные царевичами ногайские отряды, как «казыевские», так и «дивеевские», «Крымскому юрту учинили шкodu великую, всю землю пусту зделали, и цареву казну всю разграбили, и в полон женок и девок, и робят русских и литовских имали» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 2 об.). В самой крымской знати мятеж царевичей вызвал настоящее опустошение. Помимо павших в битвах, цвет князей и мирз, не успевших или не захотевших последовать за царевичами, был уничтожен калгой Алп-Гиреем. В его руках находилась реальная власть в «Крымском юрте», пока хан отсиживался в Кафе.

Постепенно перед И. Судаковым-Мясным вырисовывались масштабы угрозы правящему хану от бежавших «царевичей», которые явно не отказались от борьбы за «отца своего юрт». 16 января 1585 г., сразу же после аудиенции у хана, И. Судаков-Мясной провел переговоры с «царевыми ближними людьми» – Мурадом Сулешевым, Мустафой бекком и Зентимиром агой (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 9). Они неожиданно потребовали у русского гонца отправить в Азов и, что самое замечательное, «на Дон» толмача из числа прибывших с ним людей. Мало того, они сообщили, что с подобным же требованием хан обратился к пребывающему в Кафе Б. Благово. Причиной явилась информация о захвате «царевичей», а также «всех лучших князей и мурз, которые бежали с царевичи на Дон» донскими казаками – Третьяком Кишкиным «с товарищи». Якобы «хотят де Третьяк да Кишкин со царевичи ехать к Москве к госудаю вашему» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 10). И. Судаков-Мясной, естественно, ответил отказом. 22 января И. Судаков-Мясной получил сведения, что хан отказался от плана посылки русских толмачей и отправил «Достогмета агу азоавского на Дон проведывать прямых вестей про царевичей» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 13) 18 февраля И. Судаков-Мясной получил сведения о том, что Достогмет благополучно вернулся в Крым с захваченными на Дону казаками, которые сообщили, что «два царевича пошли в Нагаи, а третий «царевич» «утек» в Астрахань (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 16 об.). 20 марта бек Мурад Сулешев сообщил, что «Ко царю пришла прямая весть про царевичи». Вести были нерадостные для Ислам-Гирея II: Мурад-Гирей определенно находился в Астрахани, Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей – в «Шевкалах» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 18–18 об.). В начале мая стало известно, что Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей «в Черкасах в Кумыках» и уже получили приглашение прибыть к «кызылбашскому». Это уже затрагивало интересы Порты. Вскоре И. Судакову-Мясному стало известно, что проблемой царевичей озабочен, находившийся тогда в Костомане османский главнокомандующий на иранском фронте всеильный Осман-паша.

5 марта 1585 года И. Судакову-Мясному стало известно, что в Кафу прибыл «Осман пашин приказной человек Сефер ага». Эмиссар главнокомандующего потребовал немедленного отправления Б. Благово (Благова) в Синоп и далее в Костоман в ставку Осман-паши. Одновременно прибыли копычей с приказом выяснить «сколько ноне в Кафе воинских людей». Однако главная их цель заключалась «проведывати прямых вестей про царевичей. Где ныне царевичи» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн.

¹ О переговорах с Мурадом Сулешевым см: Виноградов, 2006, 58–59.

16. Л. 17). И. Судакову-Мясному стало ясно, что проблема царевичей превращается в центральный вопрос отношений Москвы и Бахчисарая. Именно тогда и начинается «Дело Муслы аталыка».

В апреле месяце И. Судаков-Мясной узнал о прибытии в Кафу из ставки Осман-паши в Костомане некоего Муслы аталыка. Он имел приказ ехать через Азов «в Шевкалы к царевичам к Саадет-Кирею с братьею». Муслы аталык вез послания Осман-паши, призывающие их «ехать к турецкому царю бесстрашно». Вывод информировавшего русского гонца крымского толмача Борана был однозначен: «хочет царь турецкий Саадет-Кирея царевича царем учинити в Крыме» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 20 об.). Русский дипломат сразу понял, что речь идет о бывшем влиятельном сановнике Мухаммед-Гирея II, тесте ушедшего с «царевичами» бека Дербыша Кулюкова (князь Куликов).

Известие о появлении в Кафе Муслы аталыка вызвало переполох в Бахчисарае. Хан немедленно отправил в Стамбул бека Алея Ширинского, а в Кафу – Зентимир агу (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 21). Зентимир ага опоздал ко времени его прибытия, Муслы аталык уже отбыл из Кафы. Тем не менее, эмиссар хана собрал в Кафе весьма важную информацию. Она была частично сообщена русскому гонцу Мурадом-Сулешевым во время переговоров с ним 18 апреля: «Хочет де Осман паша Саадет-Кирея царевича учинить царем в Крыме. И яз знаю, Осман-пашу. Осман паша мужик злоблив. И послал царевичей подбивать, чтобы царевичи к их недругу царю не отъехали» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 21 об–22). Впрочем, Мурад Сулешем выразил сомнения в успешном исходе миссии Муслы аталыка к «царевичам» «который отцу их Махмет-Кирею царю дважды изменил» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 22). Почему крымская сторона передала опытному русскому дипломату эту важнейшую информацию? Ответ на этот вопрос И. Судаков-Мясной получил в самое ближайшее время.

12 мая русскому послу была дана отпускная аудиенция ханом Ислам Гиреем II, который объявил И. Судакову-Мясному, что с ним в Москву посылается крымский гонец Джан-паша. Главное, однако, последовало после аудиенции. 18 мая 1585 года к И. Судакову-Мясному прибыл доверенное лицо хана Зентимир ага с «тайными речами». «Ислам-Гирей царь велел тебе говорить тайно к брату своему, а ко государю вашему, в своей грамоте о том не пишу. Приказывает тебе словом сказывать царю. Поехал ко государю вашему Мурат-Кирей царевич. И царю был царевич братин сын. А нынче царю учинился недругом. И учнет Мурат-Кирей царевич Ислам-Гирея царя со государем свайвать, и государь ваш тому не верил, штобы меж дву великих государей дружба не порушивалась» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 25 об.).

Завершением миссии в Крыму И. Судакова-Мясного была его аудиенция у калги Алп-Гирея 7 июня уже на Молочных Водах. Помимо объявления о том, что калга посылает вместе с И. Судаковым своих гонцов, ему было объявлено, что «душманы (враги) наши два царевича пошли в Кызылбаши» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 27). Алп-Гирей не скрывал своей озабоченности складывающейся ситуацией. На следующий день после этой аудиенции И. Судаков-Мясной узнал интригующие сведения о Муслы аталыке. 8 июня к нему прибыл Ахмед паша мурза Яшлавский (Сулешев), младший брат бека Мурада, и сообщил следующее: озабоченный сведениями об активности царевичей, калга послал в «Казыев улус» своего приближенного «Берамелея аталыка». «И нагайские и озовские люди сказывали Беромолею аталыку: Провожали они Муслы аталыка в Шевкалы ко царевичам. И как пришел Муслы аталык на Терку. И государя вашего на Терке Муслы аталыка взяли, а многих людей побили» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 27 об.).

Таким образом, полугодовое пребывание русского гонца в Крыму прошло под знаком нарастающей угрозы правящему хану со стороны царевичей, превращающейся, помимо всего прочего, в фактор, существенно затрагивающей интересы Порты. «Таинственная миссия» Муслы аталыка свидетельствовала о том, что Порта, по крайней мере, в лице Осман-паши, стремилась установить контакты с царевичами, не считаясь с интересами ей же поставленного хана Ислам-Гирея.

И. Судаков-Мясной доставил свои донесения в июле 1585 года. К этому времени контакты русского правительства с царевичами уже шли полным ходом. Они завершились прибытием весной 1586 года в Москву Мурад-Гирея, шертовавшего за себя и за братьев государю и отправленному затем «на житье» в Астрахань (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 2, 6, 7, 13; Беляков, 2013а; Беляков, 2012). Царевичи» просили помощи «казаков» и «воинских людей» для нового похода на Крым. В Москве занимали выжидательную позицию. Посадить своего ставленника на крымский престол, на первый взгляд было весьма заманчиво, однако при этом можно было вполне реально ввязаться в полномасштабную войну не только с Портой, к которой Москва явно не была готова, особенно учитывая сложные отношения с Речью Посполитой, но в перспективе со всеми странами

региона, не желавшими чрезмерного усиления России в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Тем не менее, в Москве решили использовать сложившуюся ситуацию и начать крупную политическую игру, в которой в той или иной степени оказались вовлечены Большие и Малые Ногаи, Крым, Порта, государства Средней Азии, Речь Посполитая, Иран, Шамхал и другие правители Кавказа.

Сведения «Статейный списка» И. Судакова-Мясного, несомненно, повлияли на ход переговоров с «царевичами». Не осталась без внимания и информация о миссии Муслы аталыка. Во всяком случае, уже к 1586 г. Муслы аталык был доставлен в Москву. Он был тщательно расспрошен и до времени оставался в заключении. Место заключения на настоящий момент неизвестно. Но, скорее всего, это был один из русских северных городов, традиционно используемых как место заточения или ссылки многих русских и татарских знатных пленников. Курировал дело Муслы аталыка лично слуга Б.Ф. Годунов. В чем, в прочем, не сомневались ни в Бахчисарае, ни в Стамбуле. Годунов прекрасно знал, кто находится в его руках. Фигура посланца Осман паши уже давно находилась в поле зрения русской дипломатии и разведки.

Как и большинство «героев крымской смуты» 70–90-х гг. Муслы аталык впервые проявил себя во время болезни и смерти хана Девлет-Гирея I и в первые месяцы царствования его сына Мухаммед-Гирея II. В это время в Бахчисарае находился прибывший туда незадолго до смерти хана Девлет-Гирея I русский посланник Елизарий Леонтьевич Ржевский. Его донесения показывают, что уже в первые месяцы нового царствования положение Муслы аталыка приобретает черты положения «первого министра». При перечислении «ближних людей» нового хана Е.Р. Ржевский ставит его на второе место после «князя» (бека) Алея Ширинского (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 Кн. 15. Л. 25).

Сам аталык писал в Москву Ивану Грозному, что после того, как Мухаммед-Гирей «царем учинился, меня, Муслы аталыка, по прежнему оставил как был при царе Девлет-Кирее» (РГАДА. Ф. 123 оп. 1 Кн. 15. Л. 95). Тем не менее, в последние годы правления Девлет-Гирея I Муслы аталык не фигурирует в донесениях русских дипломатов, как лицо близкое к хану. Однако в статейном списке гонца И. Мясоедова, прибывшего в Крым осенью 1574 г., Муслы аталык уже фигурирует среди ближних людей «Магмед-Гирея царевича» (РГАДА. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 239-к). Чуть ранее он появляется в польско-литовской посольской документации. При прибытии крымского посольства во главе с Джан-Ахмедом чилиби (1573 г.) его гонец при распределении жалования в коронных скарбовых книгах уже внесен в особый список эмиссаров от omiatis (AGAD. ASK-I. Sign. 238. К. 133) Аналогичная картина наблюдается в 1574 г. Причем гонец аталыка в особом списке идет уже вторым по счету (AGAD. ASK-I. Sign. 247. К. 106).

Всерьез на Муслы аталыка обратили внимание в Москве в 1576 г. При приезде большой группы крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем к Ивану Грозному были доставлены послания от калги Мухаммед-Гирея, который специально «рекомендовал» московскому царю аталыка: «Тебе, другу нашему, великому князю, ведомо, что у меня доброй человек Муслу аталык, и таких у меня добрых мало, а ево слово волной человек царево величество (крымский хан – А.Б., А.В.) слушает, да и яз» (РГАДА. Ф. 123 Оп. 1. Кн. 14. Л. 314). В Посольском приказе к появлению новой фигуры в крымских верхах отнеслись серьезно. Одновременно с приездом крымских гонцов были доставлены отписки из Крыма от Ивана Мясоедова, где, как мы уже говорили, Муслы аталык упоминался как наиболее близкий к калге человек. Настораживало и другое. В период пребывания вновь прибывших крымских гонцов, человек Муслы аталыка отличался особенно заносчивым и наглым поведением. Создавалось впечатление, что ханский посланец, Девлет-Килдей, откровенно побаивается своего младшего «коллегу». Весьма красноречиво донесение русских приставов приставленных к гонцам: «Писал ко государю, царю и великому князю пристав Дементей Яковлев, что Девлет-Килдей преж того поехал из Ярославца (Малый Ярославец – А.Б., А.В.) сам шост без ведома самовольством к Москве, и Дементей его угонил на дороге да его воротил. А муслы аталыкова гонца Смаила угонил на дороге к Боровску и учал его ворочати, и Смаил стал битись и стреляти из лука. И они так делают негораздо, приехали они ко государю от царя посолством, не крестьян бити» (РГАДА. Ф. 123 оп. 1. Кн. 14. Л. 286). При объяснениях с крымскими гонцами Девлет-Килдей взял под защиту Смаила, заявив: «А побежали они из Ярославца, напився пьяни».

Иван Грозный в ответном послании к калге Мухаммед-Гирею, отправленном с посланником Елизарием Ржевским, сообщал что принял к сведению информацию о положении Муслы аталыка в Крыму. Сделано это было в традиционной форме пересказа содержания послания калги со следующим заключением: «И мы грамоту твою вычли и вразумели гораздо» (РГАДА. Ф. 123 оп. 1. Кн.

14. Л. 348 об., 349). Тем не менее, гонец аталыка имел весной-летом 1576 г. низкий статус. К аудиенции у государя он допущен не был. Привезенное им послание в посольские книги внесено не было.

Важная роль Муслы аталыка в крымских верхах отмечается в русской посольской документации только после смерти Девлет-Гирея I. Причем происходит это стремительно. Именно Муслы аталык возглавляет представительную группу «ближних царевых людей» при возобновлении переговоров с русскими дипломатами в августе 1577 г (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 6 об.). При перечислении крымских мурз, к котором в июле 1577г. отправляли толмачей с просьбой об аудиенции русских дипломатов у нового хана, Муслы аталык вновь назван вторым после Алея Ширинского (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 5 об.).

При возобновлении русско-крымских «ссылок» осенью 1577 г. в русской посольской документации фиксируется участие Муслы аталыка в обмене посланиями крымских вельмож с Иваном Грозным. Такая форма «переписки» традиционно считалась важнейшим условием показа «политического веса» данного лица среди «ближних царевых людей». В посольской документации зафиксировано несколько посланий аталыка государю Ивану Васильевичу (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 94 об–98 об. 408–409 об.).

При перечислении гонцов от крымских вельмож, которых необходимо было срочно доставить в Москву из Путивля в ноябре 1577 г., гонец Муслы-Аталыка Сююндюк опять значится на втором месте после гонца от князя Алея Ширинского перед гонцом от Мурада Сулешева (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 50 об.). Переданная тогда с гонцом аталыка ярлык Грозному весьма объемный документ в наибольшее степени приближающейся по содержанию к официальному посланию от хана Мухаммед-Гирея II. Весьма характерно обращение Муслы аталыка к Ивану Васильевичу «Великого Улуса многие Руси и Всего христианства Великому государю Ивану Васильевичу со многим своим холопством много много поклон» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 94 об.). Сам он скромно именуется «Большой аталык и слуга вольного человека брата твоего Магмет Кирея царя» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 95). Послание Муслы аталыка – это явная заявка на «амиатство», которое он именуется «приятельством». Муслы аталык, помимо всего прочего, простит государя «распросить» про его «холопство» у русских дипломатов, побывавших в Крыму. Между прочим в этом послании подчеркиваются и дружеские отношения между Муслы аталыком и «твоим государевским приятелем Муратом князем». Муслы аталык подчеркивает, что решение о возобновлении «ссылок» с Москвой было принято ханом по его «уговорам».

Поражает хватка аталыка «в материальных вопросах», редкая даже среди крымской элиты. Он буквально клянчит «жалование», размеры которого, впрочем «любезно» оставляет определить самому «великому князю», и просит всего лишь «сто рублей» на свадьбу любимой дочери. Эта свадьба с Дербышем Куликовым еще сыграет большую роль в его нелегкой судьбе. Показательно, что Муслы аталык соизмеряет сумму «сто рублей» для московского государя, «с ложкою воды». Претендент на «амиатство» подробно излагает свою многотрудную деятельность по выкупу русских «полоняников», не забывая, на всякий случай точно перечислить даже одежду, которой он снабдил их за свой счет при выезде из Крыма. Аталык напоминает Грозному, что «твои послы дали поруку» за потраченные им деньги (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 96–96 об.). Послание Муслы аталыка не осталось незамеченным. Донесения Е. Ржевского показывали, что он действительно «вошел в силу» при новом хане.

Прибыл «человек» от Муслы-Аталыка и накануне приезда летом 1578 г. крымского посольства Араслан-мурзы Сулешева. В «речах» к ближним царевым людям, данных отправленному тогда же в Крым посольству князя В.В. Масальского, обращение к «Муслы аталык князю» (так в источнике) находится на третьем месте после «речей» к Азию Ширинскому и Мустафе аге (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 207 об.–208).

В дальнейшем в 1578–1580 гг. Иван Грозный направлял Муслы-Аталыку послания с В. Непейцевым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 299 об.–303 об.) и И. Елизаровым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1579 г. Д. 1. Л. 53–55). В них выражалось «удовлетворения» относительно его желания «служить «московскому государю однако никаких «авансов» относительно «особых отношений» с получением «жалования на индивидуальной основе» не делалось.

У русских дипломатов в Крыму в 70-х гг. Муслы аталык пользовался репутацией изощренного интригана, но весьма информированного человека. Весной 1578 г. именно он изложил Е. Ржевскому информацию о реакции в Крыму на ход военных действий в Ливонии, отметив и источник сведений – рассказы «литовских казаков» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 158 об.). Муслы аталык

свободно владел русским языком (и в западнорусских и в «восточнорусских вариантах»). Весной 1578 г. именно он «вычитывал» грамоты Грозного на аудиенции русских дипломатов у хана (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 159 об.). В целом донесения И. Мясоедова, Е. Ржевского и князя В. Масальского показывают его как одного из самых влиятельных «ближних царевых людей» в царствование Мухаммед-Гирейя II.

Тем не менее, Москва Муслы аталыку не доверяла и на «долговременное деловое сотрудничество» не шла. Неприязнь к фигуре «ведущего сановника», складывающаяся на основе донесений русских дипломатов, дополнялась еще и сообщаемыми сведениями об отношениях Муслы аталыка с Речью Посполитой.

Весной 1578 г. Муслы аталык ведет трудные переговоры с Е. Ржевским и прибывшим гонцом И. Марковым о новом посольском размене после его срыва крымской стороной зимой 1577–1578 гг. Позиция Муслы аталыка по отношению к Москве была вполне типичной для крымской дипломатии. Он был, судя по всему, одним из инициаторов проведения одновременно посольского размена на Ливнах и переговоров с королем Стефаном Баторием во Львове.

Муслы аталык являлся также основным инициатором выдвижения крымской стороной «конструктивных предложений» при переговорах с враждующими между собой соседями – в Москве посол Арсанай Сулешев выдвинул требование «возвращения мусульманских юртов» – Казани и Астрахани; во Львове крымские послы потребовали единовременной выплаты запредельной сумму «упоминок», «недоданных» за период «великого бескоролья». Впрочем, лавирование между Русским и Польско-литовскими государствами было традиционной чертой политической элиты Крыма.

Муслы аталык активно участвовал в подготовке переговоров с королем Стефаном Баторием. В своем послании к королю, отправленном в феврале 1578 г., он недвусмысленно дал понять, что судьба союза Крыма и Речи Посполитой во многом находится в его руках. Аталык требовал от Батория «материальной компенсации за поддержку интересов Речи Посполитой» (AGAD AKW. Karton 62. Teska 122. nr 698). Польско-литовская сторона позицию Муслы аталыка оценила. При прибытии во Львов крымского посольства Ибрагима Белецкого гонец аталыка указан первым при распределении жалования гонцов от *omiatis* (AGAD ASK-III. Sign. 3. K. 92).

При переговорах во Львове было достигнуто соглашение о посольском размене между Крымом и Речью Посполитой. Одновременно хан Мухаммед-Гирей II осуществил посольский размен с московским государством под Путивлем. Муслы аталык занимал «беспроигрышную позицию». При любом развитии событий он мог рассчитывать на денежное вознаграждение. Но ни Иван Грозный, ни Стефан Баторий не намерены были ее предоставить. В отместку Муслы аталык сорвал переговоры и с русским, и с польско-литовским посольствами.

По прибытию в Крым осенью 1578 года посольства князя В.В.Масальского Муслы аталык при переговорах в числе «ближних царевых людей» с русским послом активно участвовал в срыве планов Москвы о принесении ханом «шерти» на мирном «докончании» (РГАДА Ф. 123. Оп. 1. 1579 г. Д. 1. Л. 27–37). Посольство короля Стефана Батория, возглавляемое М. Брониевским, вновь при активном участии Муслы аталыка оказалось в аналогичной ситуации. Русские дипломаты обратили внимание на двусмысленную роль Муслы аталыка в продолжавшейся борьбе хана Мухаммеда-Гирейя II с братьями Адыл-Гиреем и Алп-Гиреем.

Между тем на рубеже 70-х – 80-х гг. Муслы аталык находился на вершине могущества. Русская посольская документация фиксирует в этот период «продавливание» им своих братьев в состав ханского дивана. Направленный в это время в Крым гонец Иван Елизаров должен был «правити от царя и великого князя поклон Мурату князю, Муслы аталыку, брату его Ази-Асану, Мустафе аге, Дервишу князю» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1579 г. Д. 2. Л. 25). Таким образом, Муслы аталык и его брат воспринимались в Москве такими же значимыми фигурами как бек Мурад Яшлавский (князь Сулешев), Мустафа ага из клана абазинских черкесских князей и бек Дербиш Кулюков. Но вскоре судьба аталыка круто изменилась.

В 1581 г. обстановка в Крыму обострилась. Ханские братья Алп-Гирей и Семамет-Гирей вступили в открытый конфликт с Мухаммед-Гиреем II. Вскоре оба царевича оказались на территории Речи Посполитой (Виноградов, 2010, с. 277–280). Муслы аталык принял активное участие в безуспешных попытках хана Мухаммед-Гирейя II добиться от Батория выдачи царевичей. Коронные skarбовые книги этого периода фиксируют постоянное прибытие гонцов Муслы аталыка вместе с ханскими эмиссарами. Порта добилась передачи ей мятежных ханских братьев с посольством И. Филипповского в 1582 г. Попытки крымского хана воспрепятствовать этому не привели к успеху. В составе посольства, отправленного из Крыма к Стефану Баторию накануне выдачи царевичей

в Стамбул, были и гонцы Муслы аталыка (AGAD. ASK-II. Sign. 14. K. 75, 82). Таким образом, накануне решающей фазы борьбы за власть в Крыму Муслы аталык демонстрирует полную лояльность хану. Тем не менее, впоследствии многие представители политической элиты Крыма отличали его двуличие.

Нельзя не сказать, что роль Муслы аталыка в событиях 1583–1584 гг. была весьма неприглядна. В начале конфликта он был на стороне хана, но после начала открытого его вооруженного противостояния с Портой довольно быстро сбежал «за море к турецкому». При этом он объяснил Мухаммед-Гирею II свой отъезд защитой его интересов перед Портой. Интересна характеристика, данная Муслы аталыку Мурадом Сулешевым русскому гонцу И. Судакову-Мясному, который весной 1588 го выразил твердое убеждение в том, что «Царевичи Мусла аталыку не поверят» так как он их отцу «двожды изменял» (РГАДА Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 22). Муслы аталык «путешествовал» с частью своего личного архива, который также был препровожден в Москву. В настоящее время его следы не обнаружены. Однако имеются косвенные упоминания о его наличии.

Итак, рассмотрим публикуемый документ. Изложение информации в нем дается от третьего лица. Начало не сохранилось. Дошедший отрывок начинается с отсылки к неким контактам Муслы аталыка с Речью Посполитой. При этом подчеркиваются некие заслуги аталыка. Далее сообщается о том, что в настоящее время он находится в тюрьме и о том, как он туда попал. При этом всячески подчеркивается особый статус пленника в Крыму и Османской империи. Далее приводится содержание отдельных грамот, захваченных у Муслы аталыка. Следует подчеркнуть, что описание неожиданно прерывается, хотя на листе еще оставалось довольно много места.

Документ, по сути, состоит из двух частей. С одной стороны, это изложение хода миссии аталыка к «царевичам». Вторая часть документа посвящена изложению содержания тайных посланий короля Стефана Батория султану Мураду и Осману-паше. На первый взгляд дело выглядит так, что король фактически призывает Порту совершить поход на угорские и угрюмские земли Речи Посполитой, чтобы сократить влияние и независимость местной знати. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Почему Муслы аталык имел при себе документы, напрямую не относящиеся к его миссии? Вероятно, покидая Стамбул, он увез весь свой архив. Расспрос Муслы аталыка явно состоялся во второй половине 1586 года.

Русская сторона при «ссылках» с «законным ханом» Ислам-Гиреем II явно стремилась скрыть факт захвата аталыка. В январе 1586 г. в Крым был отправлен гонец Василий Непейцин. Перед ним ставилась задача сохранить в тайне контакты Москвы с царевичами. В наказной памяти В. Непейцину имеются и раздел специально посвященный делу Муслы аталыка. В случае, если «учнут говорить о Муслы аталыке» и интересоваться «где нынче Муслы аталык» В. Непейцину надлежало ответить, что ему «того слышать не случалось». Мало того, В. Непейцин должен был отрицать сам факт захвата аталыка «на Терке, так как государь там людей своих не держит» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 63 об.). На Терке живут только «воры беглые». При этом уточнялось, «что будет зделати над Муслы аталыком. Взяли ль ево или убили. То они зделали без государева ведома. А ко государю ево не приваживали. И слуху о том не бывало» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 64).

В последствии на протяжении нескольких лет крымские власти безуспешно будут добиваться его возвращения. 3 апреля 1588 г. в Москву к Б. Годунову прибыл гонец от нового хана Гази-Гирея II и иных крымских царевичей, князей и мирз Апсалям молла с товарищами. В частности, грамоты послал, к этому моменту уже находящийся в Крыму, Сафа-Гирей. Во второй своей грамоте он просил «печаловаться о Муслы аталыке и отпустить его в Крым» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 8).

При этом в Москве прекрасно было известно, кто именно взял в плен аталыка.

Почему именно Муслы аталык был Осман-пашой выбран для миссии к «царевичам»? Несомненно, сыграли роль его «деловые качества», отмеченные русскими дипломатами. Однако, прежде всего, ответ на этот вопрос можно найти, если прояснить какую роль играл в Крыму в это время его зять бек Дербыш Кулюков. Он покинул Крым с «царевичами» в 1584 г., но довольно скоро вернулся. Не совсем понятно каким образом мирза, открывающий, по донесениям русского гонца И. Судакова (в период его первой миссии), список «ближних царевых людей», изменивших хану Ислам-Гирею II, сумел вернуться в Крым. Осенью 1586 г. астраханские воеводы, докладывающие в Москву о ситуации в Крыму, отмечали, что один из прибывших в Астрахань людей царевича Мурад-Гирея «про Дервиша князя сказал, что он сам при царе в Крыме, а сын ево бежал ко царю к Саадет-Кирею з двадцатью человеками. А и сам Дервиш де князь хочет бежати к Казы-Гирею царевичу, а боится от Ислам-Гирея царя убивства» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д.1. Л. 7). В ставленном списке вернувшегося из Крыма в октябре 1586 г. гонца В. Непейцина отмечено, что «на

отпус Статейный список ке» князь Дербыш изложил ему для передачи в Москву важную информацию о подготовке османами очередного похода на Астрахань, где уже находился в это время Мурад-Гирей (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 73 об.–74). В донесениях астраханского воеводы кн. Ф.М. Лобанова-Ростовского возвращение князя Дербыша в ряды «царевых ближних людей» зафиксировано в ноябре 1586 года. В общем перечне «ближних царевых людей», приводимым астраханским воеводой, князь Дербыш стоит на третьем месте после своего брата князя Касима² и князя Алея Ширинского перед Мурадом Сулешевым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 22). В начале 1587 г. он занимал свое законное место в иерархии крымских вельмож о чем свидетельствуют материалы второго статейного списка гонца И. Судакова, посвященные распределению государева «жалования» среди крымской знати. В перечне наиболее знатных мурз князь Дербыш стоит на третьем месте после «князя» Азия Ширинского и «князя» Мурад-мурзы Сулешева. Время возвращения «князя» Дербыша в Крым – вторая половина 1586 г. – период пребывания там русского гонца В. Непейцина.

После возвращения в Крым «князь Дербыш» развернул бурную деятельность, завершившуюся в скором времени его бегством «за море к турецкому». По информации, собранной И. Судаковым-Мясным, именно глава клана Кулюковых был в центре «ссылок» пребывавшего в Стамбуле Гази-Гирея с «царевичами». Прямая связь между деятельностью Муслы аталыка и его зятя несомненна. Это подтверждает с каким рвением после своего возвращения в Крым из Стамбула в свите Гази-Гирея II Дербыш Кулюков добивался его освобождения. Уже в мае 1588 года при первых же «тайных контактах» с И. Судаковым-Мясным Дербыш затронул тему вызволения тестя из московской неволи: «да сидит у государя Муслы аталык, а мне Муслы аталык ближней семьянин, и государь бы пожаловал, для нашия прежние службы отпустил аталыка ко отца своего души, и будет государь похочет денег за Муслы аталыка и мы станем збирать долги» (Статейный список, 1891, с. 76).

Итак, Дербыш Кулюков предлагал московской стороне даже выкуп за тестя. Его стремление заполучить главного участника тайных контактов Порты и Гази-Гирея с «царевичами» побороло даже свойственную ему безмерную алчность. И. Судаков-Мясной не дал ясного ответа. Он прекрасно понимал, что вопрос будет решаться «на высшем уровне». Напомним, что именно И. Судаков-Мясной во время своей предыдущей миссии в Крым в 1584–1585 гг. впервые столкнулся с «делом» Муслы аталыка.

Как показали дальнейшие события, хан Гази-Гирей явно не хотел возвращения в Крым «слишком много знающего» аталыка. Не желание видеть живого свидетеля дополнялась у нового хана явным нежеланием затрагивать весьма «щекотливую» «Литовскую тему». Ко времени его воцарения в Бахчисаре король Баторий давно скончался, и в Речи Посполитой шло очередное «бескоролевье».

Почему Муслы аталык с такой готовностью «очерняет» польского короля? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, следует искать в истории его пребывания «на первых ролях» при хане Мухаммед-Гирее II. Первые месяцы правления нового хана ознаменовались серьезным дипломатическим конфликтом с Речью Посполитой. Прибывший в августе 1577 года польско-литовский посол А. Тарановский не привез запрашиваемого крымской стороной количества «упоминок».

В конфликте «гомьяны» польского короля Кулюковы во главе с зятем аталыка беком Дербышем и сам наш герой повели себя не лучшим образом. Они довели дело до конфликта с послом на аудиенции у хана. Только когда разъяренный «Тучный» (прозвище Мухаммед-Гирея II, данное ему за излишний вес) хотел переслать А. Тарановского в Стамбул с большим трудом Муслы аталык уладил конфликт. Следующая фаза участия Муслы аталыка в дипломатических ссылках с Речью Посполитой – переговоры короля Стефана Батория во Львове с крымским посольством И. Белецкого. Как мы уже говорили, Муслы аталык пытался в это время «взять под контроль» ситуацию и получить очередные «материальные приобретения», однако потерпел неудачу.

Затем Муслы аталык активно участвовал в срыве переговоров с посольством М. Брониевского поздней осенью 1578 г. В целом, благодаря усилиям Муслы аталыка отношения Батория с Крымом оставались крайне напряженными. Ситуацию усугубил кризис 1581 г., когда на территории Речи Посполитой укрылись два царевича Селамет-Гирей и Алп-Гирей.

² В эпоху смуты иерархия старшинства во многих родах была более чем условной. Поэтому Дербыш и Касим на протяжении более десятка лет по очереди занимали первенствующую позицию. Так, осенью 1574 г. гонец И. Мясоедов отмечал: «А ближних, государь, людей у царя: Мурат князь Сулешев сын, да Касим князь Кулюков...» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 239-и об.). В дальнейшем Касим исчезает и появляется вновь только в 1586 г. В 1592 году князь Касим был направлен ханом Гази-Гиреем II послом в Речь Посполитую.

Находясь в эмиграции, в Стамбуле, Муслы аталык, естественно, утратил надежду на получение материальных компенсаций из Речи Посполитой.

После воцарения Ислам-Гирея II «курировать» крымско-полтско-литовские отношения взялся калга Алп-Гирей, благо Кулюковы бежали из Крыма с мятежниками. На счет того, насколько успешной была эта роль Алп-Гирея, есть разные мнения. Во всяком случае, И. Судаков-Мясной, весьма компетентный в этом вопросе, сделал в июне 1588 г. в беседе с вернувшимся в Крым Сафа-Гиреем следующее заключение: «калга Алп-Кирей царевич был у короля литовского в большом жаловании. И как Алп-Кирей царевич учинился калгою, то с крымского юрта шесть лет царя царевичей и крымских людей на литовские украины не воевать» (Статейный список, 1891, с. 77).

Впрочем, все хитросплетения дела Муслы аталыка оставляют нерешенным основной вопрос: был ли он вообще жив в моменту водворения весной 1588 г. в Бахчисае Гази-Гирея. Данный вопрос занимал, прежде всего, самого хана. Однако этот вопрос так и не был задан им напрямую. Как мы писали, в августе 1588 г. он был задан через грамоту царевича Сафа-Гирея (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 8).

Ответ на пожелания был дана в грамотах к хану от имени государя и от Б.Ф. Годунова. С тем же гонцом И. Мишулиным послал и ответ «князю» Дербышу, в котором поведал, что «Муслы Аталыка свыше полугоду не стало, а только бы он жив был и государь бы наш для брата своего Казы-Кирея царя любви и для твоего челобитя его отпусти» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 37). Следует сказать, что имя Муслы аталыка всплывает в документах еще раз по одному поводу. Дело в том, что через несколько лет атаман казаков взявших в плен аталыка пленили (крымские?) татары и хотели его продать турецкому купцу. Однако его узнал Константин чилеби и поручился по нем в 1000 алтынах. Об этом им было подана грамотка боярину Б. Годунову (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 167об.–168).

Подведем итоги. «Дело Муслы аталыка» представляет собой запутанный клубок, где сплелись интересы враждующих Гиреев и поддерживающих их кланов крымской знати, Порты, Москвы и Речи Посполитой.

Изложенный документ явно дает информацию для провоцирования русской стороны в части недоверия к антитурецким планам короля Батория. Возможны варианты: либо это провокация Османа-паши, либо личная инициатива Муслы аталыка.

В отношении царевичей содержащаяся в документе информация подтверждается дальнейшим ходом событий в 1587–1588 г. Порты через Гази-Гирея неоднократно «приманивала» Мурад-Гирея и Сафа-Гирея в Крым. В отношении Сафа-Гирея это завершилась успехом, но только с воцарением Гази-Гирея II в 1588 г.

Конечно, Москва и не помышляла отпускать аталыка. Вопрос о том был ли он действительно уничтожен или оставался некоторое время как свидетель и носитель тайн Порты и «Крымского юрта» остается открытым.

Документ

Расспросные речи Муслы аталыка. Между апрелем 1585 – июнем 1587 гг.

«...и салтана турецкого, какая была к ним неласка и неправды, слышал то посполитой о том от Муслы аталыка, которой сам и видел и слышел про те дела. А ныне он на Москве в тюрьме. А чаю то и у вас ведомо, каков он был в Крыму у царя Девлет-Кирея и каков он был в турецкой земле у Мурат салтана, у Асман паши. И то все подлинно розсказывал. А взат он на Дону, как он ехал от салтана турецкого ко царю Саадет-Кирею и к царевичю к Мурат-Кирею, и к царевичю Сафа-Кирею, которые ныне со многими людьми жевут у Асторохани, оманываючи их и хотятчи их прелстить, чтоб они ехали х турецкому салтану на Крым на отца своего юрт, и многие им казны сулячи, а оманув их хотел их побити. И у него выняли многие списки з грамот как его изымали, которые писаны от салтана турецкого к Стефану королю, и которые писаны от Стефана короля // к салтану х турецкому и к Осман паше, а писано тайно, не посолским обычаем. И Муслы аталык розпрашиван какие то списки. И Муслы аталык розсказывал, что перед ним перед самим писывали грамоты у Осман паши при салтане турецком при Мурате, которые грамоты салтан турецкой Мурат посылал тайно к Стефану королю, чтоб Стефан король своих подданных с Коруну Полские и с Великого Княжества Литовского дано збираючи к нему присылал, и вперед их под салтанову руку в дань привел на чем Стефан король присягу дал Мурат салтану, как ещо едучи на обиранье на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское, что ему утвердьясь на Коруне Полской и на Великом Княжестве

Литовском дань давати Мурат салтану. А писал Стефан король к салтану турецкому в тайных своих грамотах, чтоб салтан турецкой рать готовил на литовских и на польских панов, угорских людей да урюмских людей, которые бискупы имеют великие скарбы у себя, таковы деи есть // в Коруне Полской и Великом Княжестве Литовском люди богаты, что у одного арцыбискупа. И у бискупа есть скарбу его тысяч до пятисот золотых...».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 14 об. – 16 об. Подлинник (?) на 3-х листах: 140X(305+360+80).

ЛИТЕРАТУРА

Беляков А.В. Крымский царевич Мурад-Гирей в Астрахани (1586–1591 гг.: западноевропейский аспект политики Бориса Годунова на Северном Кавказе // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10: Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. С.-Петербург 12–14 октября 2012 г. С.18–22.

Беляков А.В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения, вып. 1. 2013. Т. 13. С. 92–97. а

Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011 – 2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 11–59.

Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в // Тюркологический сборник: 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 26–73.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, 2010. Вып. 2. С. 274–299.

Виноградов А.В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2011. Вып. 5. С. 142–187.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 17–46.

Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1891. Т. XIV. С. 43–80.

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигисмунда Августа с 1545 по 1572 год. М., 1843. Ч. 1.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1973 – Bennigsen A Lemercier-Quelquejay Ch. La Moscovie L'Empire Ottomane y la crise successorale de 1577–1588 dans le Khanat de Crimee CMRS vol. 14 4 1973.

А.В. Беляков, А.В. Виноградов

«МУСЛЫ АТАЛЫК ЭШЕ». РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ, РУС ДӘҮЛӘТЕ ҺӘМ ГОСМАНЛЫ ДӘҮЛӘТЕ АРАСЫНДА 1584–1588 ЕЛЛАРДАГЫ КЫРЫМДА ДИНАСТИЯ КРИЗИСЫ ВАКЫТЫНДА ХӘРБИ-СӘЯСИ КАРШЫ ТОРУ ТАРИХЫНА КАРАТА

1584–1588 елларда Кырымда династия кризисы вакытында Кырым, Россия һәм Речь Посполитая арасындагы мөнәсәбәтләрнең кайбер аспектына яңача карарга мөмкинлек бирә торган монарчы билгеле булмаган документ Илчелек приказы архивында табыла. Авторлар югарыда аталган вакыйгалар белән бәйлә һәм әлегә тарих фәннәндә билгеле булмаган Муслы аталыкның биографиясен беренче тапкыр тәкъдим итәләр.

Ачыкч сүзләр: Кырым, XVI гасырда Рус дәүләте, Речь Посполитая, Муслы аталык, Гәрәйләр.

A.V. Belyakov, A.V. Vinogradov

**«MUSLY ATALYK'S CASE». TO THE HISTORY OF POLITICO-MILITARY STANDOFF
AMONG THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH, RUS' STATE AND PORTE
DURING THE DYNASTIC CRISIS IN THE CRIMEA OF 1584–1588**

A previously unknown document was found in the Ambassadorial prikaz archival depository. It provides a new understanding of some aspects of the interrelations among the Crimea, Rus' and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the period of the dynastic crisis in the Crimea of 1584–1588. It is the first time, when the biography of a previously unknown in historical studies Musly atalyk is cited, whom the described events are associated with.

Keywords: the Crimea, The Rus' state of the XVI century, the Polish-Lithuanian Commonwealth, Musly atalyk, Gerays.

Сведения об авторах

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Московского государственного университета путей сообщения, Рязанский филиал (г.Рязань). E-mail: feb@gu.ru, belafeb@gmail.com

Беляков Андрей Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәү дәүләт юллар университетының Рязань филиалындагы фәлсәфә, социология һәм тарих кафедрасы доценты (Рязан шәһәре).

Belyakov Andrey Vasilyevich – Cand. Sci. (History), associate professor, the department of philosophy, sociology and history of the Moscow state railway university, Ryazan branch (Ryazan).

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (г.Москва).

Виноградов Александр Вадим улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясе Россия тарихы институтының өлкән фәнни хезмәткәре (Мәскәү шәһәре).

Vinogradov Alexander Vadimovich – the candidate of historical sciences, the senior scientific employee of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow).